

специфика, что надо еще несколько десятилетий поддерживать систему преимущественности этногрупповых прав¹. Как будто не было 70 лет, как будто не было и нет тех тяжелых последствий разгула этнонационализма, от которых страдают народы нашей страны! А печальней всего, что такие взгляды нередко высказывают и ученые. Действительно грустно. Видимо, Россия обречена брести по порочному кругу своей несчастливой истории, подобно колодезной кляче.

Примечание

¹ См., например: *Абдулатипов Р.* Национальная политика России должна быть честной и демократичной. Послание президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н. о федеративной и национальной политике // *Независимая газета*. 14 марта 1995 г.

Reply to the opponents

The author responds to criticism by V. I. Kozlov (EO, 1995, № 3) and S. A. Arutyunov (EO, 1995, № 5), and argues that discussions on theoretical issues of ethnology are extremely important. There are obvious differences in opinion between the author and his opponents, especially S. Arutyunov, on some essential problems, such as the relationship between the ethnic and individual rights.

S. V. Cheshko

© 1995 г. ЭО, № 5

Е. М. Колпак о в

ЭТНОС И ЭТНИЧНОСТЬ

С 1986 г. советские, а теперь уже российские, этнографы почти непрерывно обсуждают проблемы, связанные с понятием этноса¹. При этом сама теория этноса, сформулированная в 1970-е годы главным образом Ю. В. Бромлеем, практически не меняется. Приводимые в дискуссиях новые факты в целом аналогичны тем, которыми оперировал Ю. В. Бромлей и которые без труда вписываются в его теорию. В то же время специфика этноса, по мнению М. В. Крюкова, «не вполне адекватно отражена в наиболее часто встречающемся определении»². Более того, анализ коренной дефиниции общепринятой теории этноса, как отмечал П. А. Белков, «показывает серьезнейшие отступления от элементарных логических положений»³.

Существующая теория. Эмпирической базой для введения этого понятия является факт существования таких человеческих общностей, которые называют себя поляками, русскими, англичанами, арабами, масаями, ирокезами, вепсами и т. д. и которые обозначаются такими терминами, как *нация*, *национальность*, *народ*, *народность*, *племя*. В науке то общее, что есть у таких образований, «принято теперь называть *этническими*, а упомянутые выше совокупности людей — *этноссами*»⁴. Таким образом, этнос в упомянутом смысле является одним из видов человеческих общностей. А следовательно, необходимо указать те признаки, которые отличают его от всех других общностей людей. Сделать это оказалось крайне трудно, несмотря на очевидность существования этносов в реальности.

По Ю. В. Бромлею и В. И. Козлову, *этнос* в узком значении, или этникос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других

подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)»⁵. При этом отмечается, что, «выступая в качестве важнейшего условия формирования этноса, целостность территории не является строго обязательным фактором воспроизводства всех его частей»⁶, что язык не совпадает с этносом, а особенности культуры играют этническую роль только тогда, когда осознаются как таковые⁷. Абсолютно необходимыми этническими признаками признаются лишь этнические самосознание и самоназвание, неразрывно связанные между собой⁸. А чтобы отличить этнонимы от названий других видов человеческих общностей (топонимов, политонимов, конфессионимов, лингвонимов), предлагается признак *устойчивости этнонима*⁹: «Если соответствующая группа людей устойчиво из поколения в поколение сохраняет свое самоназвание, то скорее всего это самоназвание — этноним, и, стало быть, мы имеем дело с этнической общностью»¹⁰. И если политоним (или топоним) у той или иной переселенческой группы сохраняется в течение нескольких поколений, это значит, что данный политоним одновременно является и этнонимом¹¹.

Понятие и реальность. Кажется странным, что в ставшем уже классическим определении этноса указаны не только необходимые признаки, но и те, которые не являются обязательными для его идентификации. Однако в этом определении указано, по крайней мере, два необходимых признака: устойчивость этнонима (и этноса) и сложение на общей территории. Более того, фактически признается, что наличие этнического самосознания и самоназвания, служащего выражением этого самосознания, является не только необходимым, но и достаточным признаком для идентификации этноса, поскольку лишь смена этнического самосознания — единственный признак смены этнической принадлежности¹². «В процессе дезинтеграции, — отмечал Крюков, — этнос продолжает существовать до тех пор, пока не перестает осознавать себя как таковой. Трансформирующиеся этносы могут утратить все свои объективно прослеживаемые признаки, но представление о единстве и „самости“ группы исчезает в последнюю очередь»¹³. В таком случае анализ этничности должен базироваться прежде всего на определении специфики самосознания и самоназвания народов.

Ю. В. Бромлей предложил отличать этническое самосознание и этноним от других однопорядковых явлений, исходя из их устойчивости. Однако в отношении этого признака имеются как методические, так и практические возражения. Первые сводятся к тому, что этот количественный признак не содержит каких-либо качественных различий. В результате его истинность в принципе невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить эмпирическими фактами, что является нарушением одного из критериев научности гипотез. Ведь если мы обнаруживаем, предположим, «неустойчивый этноним», то он просто-напросто не признается нами в качестве этнонима, а соответственно этнос не признается этносом. То же самое относится и к устойчивости этноса в целом.

Теперь о практических возражениях. Оценка по этому признаку хорошо известных нам этносов приводит к тому, что многим из них будет отказано в этничности. Датские викинги, завоевавшие целые области в Англии и во Франции, полностью утратили свои самоназвание, язык и культуру уже через несколько поколений (топонимы Денло и Нормандия сохранились до сих пор). Значит ли это, что датчане в X в. не были этносом? А как быть с многочисленными кочевниками южнорусских степей, начиная от киммерийцев и скифов и кончая печенегами и половцами? Что это — племена, народы, раннегосударственные образования? На протяжении двух тысячелетий они поочередно вытесняли друг друга. Поэтому с «устойчивостью», судя по всему, у них дело обстояло плохо: они большей частью растворились среди старых соседей и новых пришельцев. Имеет ли смысл все это списывать на процесс формирования этноса, который еще не дошел до устойчивости? В формирование древнерусской народности, наряду со славянами и различными кочевниками, огромный вклад внесли финно-угорские племена. Часть из них полностью слилась со славянами еще в период раннего средневековья, часть существует до сих пор — вепсы, мордва, карелы,

коми и др. Значит ли это, что те группы финно-угров, которые относительно быстро слились со славянами, не были этносами? (К вопросу о предмете и объекте этнографии замечу, что все приведенные факты исследуются не этнографами, а работающими с письменными источниками историками и отчасти археологами, исследуются они методами исторической науки и археологии, а не методами этнографии.)

Итак, использование признака устойчивости этнического самосознания и самоназвания оказывается бессмысленным. Остается признак сложения на определенной территории. Однако имеются две причины, не позволяющие использовать его на практике. Во-первых, для огромного большинства случаев этот признак трудно установить из-за недостатка и неполноты источников (археологических, письменных, фольклорных, лингвистических, кстати, не относящихся к компетенции этнографии). Возникновение того или иного, как правило, покрыто мраком. Главным свидетельством в пользу того, что конкретный этнос сложился на единой территории, является само существование этнического самосознания и самоназвания, которые действительно не могли возникнуть без компактного проживания группы людей на единой территории. Во-вторых, другие виды человеческих общностей тоже складываются на определенной территории. Почти все конфессиональные общности сложились на определенной территории: индуизм и буддизм в Индии, иудаизм и христианство в Иудее, ислам в Аравии и т. д. Лингвистические общности, потестарные образования и государства заведомо складываются на определенной территории. Все они и их самосознание, между прочим, не менее, а нередко и более устойчивы, чем этносы.

Следует сказать, что качество классического определения этноса таково, что даже советский партийно-государственный аппарат подходит под него без особых натяжек. *Исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей* налицо. *Особенности языка* — разве аппаратно-канцелярский жаргон не является «новоязом»? *Особенности культуры* — сферу материальной культуры лучше не обсуждать, а ведь есть еще особые ритуалы, правила поведения и т. п. *Самосознание своей общности и единства интересов*, а также известное противопоставление «мы — они» здесь посильнее, чем у многих народов. Что входит в понятие *самоназвание*? «Номенклатура», «лучшие люди», просто «люди», «настоящие коммунисты», «наши»? Трудно сказать. Кстати, аппарат обладает и таким дополнительным признаком, как эндогамия — предпочтение браков внутри своей группы. Получается, что этнос по определению не отличается от других видов социальных общностей и даже от советского партийно-государственного аппарата. И все-таки ни один из нас не поставит в один ряд нацию и управленческий аппарат, не так ли?

В итоге современное понятие «этноса» нашей этнографии оказывается недееспособным, оно не позволяет отличить описываемое им явление действительности от других относительно близких явлений.

Что отражает этническое самосознание? Итак, разработанное этнографами понятие «этнос», как выясняется, плохо согласуется с реальностью. Оно не позволяет вычленить этнические группы среди всех остальных видов социальных общностей. Стало быть, мы не разглядели в жизни или попросту не учли каких-то явлений, важных для характеристики и понимания этносов.

Давайте посмотрим, что является необходимым и достаточным признаком для включения в ту или иную социальную общность. Признак принадлежности к конфессиональной общности — принятие определенной религии. Признак принадлежности к языковой или культурной общности — обладание определенным языком или культурой: их утрата — это утрата принадлежности к этим общностям. Признак принадлежности к территориальной общности — проживание на определенной территории. Признак принадлежности к этносу — ... что? Этническое самосознание и самоназвание! Таким образом, образуется заколдованный круг: существуют социальные общности, обладающие этим странным этническим самосознанием и самоназванием, и единственным необходимым и достаточным призна-

ком принадлежности к общности такого рода является этническое самосознание с самоназванием.

В результате мы возвращаемся к началу наших рассуждений: имеются общности людей, которые называют себя поляками, русскими, англичанами, арабами, масаями, ирокезами, вепсами и т. д. Это позволяет нам прийти к заключению, что для ответа на вопрос «что такое этнос?» не следует искать другие, «объективные» признаки. Необходимо в первую очередь выявить то специфическое, что отличает этническое самосознание и самоназвание от самосознания и названия других видов социальных общностей.

Кстати сказать, мы уже в известной степени выявили эту специфику. Этническое самосознание и самоназвание отличаются тем, что не связаны ни с какими «объективными» признаками, а существуют как бы сами по себе! Конечно, этого не может быть. Невозможно, чтобы десятки миллионов людей вдруг стали считать себя объединенными в группу без достаточных на то оснований. И тем не менее это реальность. Тогда остается предположить, что подобные основания существовали в прошлом. Во-первых, что-то когда-то должно было объединять людей в группу, чтобы у них сформировалось сознание единства этой группы. Во-вторых, данный вид общности должен приводить к формированию у людей такого сознания единства своей группы, которое могло бы в ряде случаев существовать как бы само по себе, независимо от породивших его причин.

Этнос и социальный организм. Почему мы в своей «ненаучной» жизни уверенно отличаем этнос от управленческого аппарата или профессиональной группы? Потому что у нас есть какое-то представление о том, что нация состоит из представителей всех профессий, всех классов и слоев населения, всех возрастных групп и т. д. В нашем обыденном понимании народ не должен выделяться по профессии, религии, территории проживания и т. д. Напротив, народ, нация должны включать в себя все необходимые для жизни общества элементы, хотя бы потенциально.

Такими целостными самодостаточными образованиями являются в современном мире государства, а в древности то, что обычно называют племенами, союзами племен, вожествами, т. е. социальные организмы. На тесную связь этника и социального организма указывал и Ю. В. Бромлей¹⁴. В известной степени признак «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей» подразумевает именно это. Причем «все социальные организмы характеризуются определенным самосознанием входящих в них людей, в противном случае они перестают проявлять себя как единый социальный коллектив»¹⁵, у них всегда есть самоназвание (политоним), они складываются на определенной территории, и у них имеются те или иные особенности языка и культуры¹⁶. Таким образом, социальные организмы, очевидно, обладают всеми признаками этноса по определению. Кроме того, в тех случаях, когда социальный организм является моноэтничным, все его свойства, судя по всему, являются и свойствами данного этноса. Иными словами, в этих случаях социальный организм и этнос — попросту одно и то же.

Вообще этнос может совпадать и с другими видами социальных общностей, а точнее говоря, те или иные виды социальных общностей могут полностью совпадать в различных сочетаниях. Например, синтоизм — национальная японская религия. Исповедующий религию синто однозначно являлся японцем и наоборот (до проникновения в Японию других религий), а также представителем древнеяпонского государства. Система апартеида в Южной Африке очень жестко определяла совпадение расовых различий с социальным положением и профессиями.

Так нельзя ли считать, что этническое самосознание — это, по своему происхождению, осознание своей общности членами социального организма, как это уже иногда предлагалось? Оно складывается в результате существования на протяжении некоторого времени группы людей, объединенных на уровне социального организма (не обсуждаю здесь вопрос о точности самого термина «социальный организм»). Почему «на уровне», а не в буквальном смысле? Потому что

подобная общность может только начать складываться, а осознание ее членами своего единства сформироваться быстро. В дальнейшем складывающаяся общность может так и не стать социальным организмом и вообще распаться, а ее самосознание у людей будет еще долго существовать. Возможны случаи, когда осознание единства происходит уже после распада существовавшего социального организма, как это, по М. В. Крюкову, было в Китае, где древнекитайская этническая общность «хуася» складывалась в VII—VI вв. до н. э. уже после распада государства Чжоу¹⁷.

Поскольку самосознание общности на уровне социального организма как субъективное отражение объективно имеющегося единства интересов в различных сферах жизнедеятельности получает возможность дальнейшего относительно независимого существования (как и всякие так называемые «надстроечные формы»), то становится вероятным сохранение этого самосознания и после исчезновения соответствующей общности на уровне социального организма. Так, М. Мерман, по словам В. А. Шнирельмана, «выявил связь четкого этнического самосознания у некоторых групп Северного Таиланда с их прежней государственной принадлежностью, т. е. с общностью, которая давно исчезла и сменилась другими общностями с другими границами»¹⁸.

Специфика этнического самосознания. Жизнестойкости этничности, как и ее быстрому исчезновению, способствует специфика сознания принадлежности к социальному организму, которая выражается в особенностях признаков принадлежности к нему и специфике самоназвания. Причем в качестве последнего может выступать любое по своему происхождению название. Суть в том, что чем безличнее самоназвание и самосознание, тем они устойчивее и «конкурентноспособнее». Для того чтобы быть «ланцепупом» по национальности, необходимо и достаточно быть «ланцепупом». Именно эта безличность и неопределенность общего содержания этнического самосознания позволяет наполнять его в конкретной исторической обстановке различным конкретным содержанием. Если в период сложения этноса на первый план выступает, как правило, общность происхождения и территории, то впоследствии в этой роли сменяются в разном порядке общность культуры, языка, идеологии (религии), социального и политического устройства, подданство определенному правителю и т. п. в зависимости от ситуации¹⁹. Это позволяет этническому самосознанию сохраняться и активно функционировать в течение долгого времени и быстро исчезать. (Следует учитывать, что мы обращаем внимание как раз на случаи длительного сохранения этничности — отсюда иллюзия устойчивости этноса вообще.) Кроме того, это позволяет разным социальным группам одного этноса реализовать свое этническое самосознание в наиболее подходящих и доступных для них формах.

Вот и появляется феномен этнического самосознания, которое уже *не отражает какое-либо существующее единство, а само вместе с этнонимом становится единственным объединяющим признаком*. Тогда появляется возможность осознания любых признаков как этнических. В зависимости от различных причин как этнодифференцирующие могут осознаваться особенности материальной и духовной культуры, языка, религии, социального устройства, антропологического типа и т. п., т. е. любые²⁰. На этом основана иллюзия того, что этническое самосознание является субъективным отражением объективно существующей общности по этим признакам. На самом деле наоборот: они потому и становятся этническими признаками, что осознаются людьми как таковые.

Все социальные организмы и общества, обладая определенным самосознанием, имеют и самоназвания. В этом качестве могут выступать различные по своему происхождению названия: топонимы, лингвонимы, конфессионимы, названия ранее существовавших социальных организмов — предшествующие политонимы. Имея разное происхождение, они, став названиями социальных организмов, т. е. политонимами, не различаются по своей функции, по своей новой сущности. Именно поэтому не удастся толком отличить этнонимы от политонимов и топонимов, а нередко от конфессионимов и лингвонимов.

Например, очевидно, что «исландец» происходит прежде всего от топонима и обозначает любого жителя Исландии. С тех пор как Исландия стала государством, «исландцем» называют также гражданина этой страны. Кроме того, «исландец» означает принадлежность человека к общности людей, называющих себя исландцами независимо от государственной принадлежности, места проживания и др. Таким образом, «исландец» — это одновременно и топоним, и политоним, и этноним, это один термин, обозначающий разные близкие понятия. Различать эти понятия можно только исходя из смысла, в зависимости от контекста.

Объективные признаки этноса. Осознание любых особенностей культуры, языка, антропологического типа и т. п. в качестве этнических признаков служит объективной предпосылкой для того, чтобы рассматривать их как объективные признаки этноса в отличие от субъективного признака — этнического самосознания. Однако ряд этих явлений тесно связан с существованием в истории общности на уровне социального организма. Например, по Ю. В. Бромлею, «сопряженность популяции с этносом — явление производное от образующих его социокультурных факторов, т. е. вторичное»²¹. Но те или иные особенности культуры, языка, нередко антропологического типа, и т. п. складываются в разных видах общностей. И те особенности, которые обычно рассматриваются как этнические, опять-таки связаны с общностью на уровне социального организма, а не с какой-либо другой, и являются ее свойствами, а не свойствами этноса.

Необходимо осознать: есть, по Ю. В. Бромлею, «социальный организм» и нет никакого «этносоциального организма»²². Те черты этносоциального организма, которые рассматриваются как собственно этнические, есть свойства самого социального организма — приставка «этно» только запутывает этот факт.

Вообще говоря, различные особенности тех же явлений складываются в разных видах общностей: конфессиональных, сословно-классовых, территориальных, в ряде профессий и т. д. Но отличительными свойствами, скажем, конфессии или профессии они становятся только тогда, когда люди придают им это значение. Любая черта культуры, языка, антропологического типа и т. п. сама по себе не имеет никакой этничности, классовости, конфессиональности и т. д. Поскольку культура, язык, антропологический облик, конфессиональность, самосознание и т. п. — это все же неодинаковые явления, в разной степени связанные с социальными организмами и имеющие свои собственные закономерности возникновения и развития, то и рассматривать их целесообразно именно как различные явления, хотя и взаимосвязанные.

Этнос и этничность. Подведем некоторые итоги. Итак, имеются осознающие свое единство общности людей на уровне социального организма и имеются *общности людей, продолжающие сохранять сознание своего единства, зафиксированное в самоназвании, после выхода из своего социального организма или его исчезновения.* Это и есть особый вид общности людей, отличающийся от других видов общностей, также обладающих самосознанием, особенностями культуры, языка и т. д. Сейчас этот вид общностей обычно называют термином «этнос».

Как и во всякой общности, *в общности на уровне социального организма складываются свои особенности культуры, идеологии, языка и т. п.,* связанные с относительной внутренней интегрированностью и относительной внешней изолированностью и обыкновенно *продолжающие существовать после выхода группы людей из нее.* Эти явления, связанные именно с общностью на уровне социального организма, и принято называть *этническими* в отличие от таковых же, но связанных с территориальными, сословно-классовыми, конфессиональными, культурными и другими общностями. Обладая относительной самостоятельностью, они продолжают существовать и после исчезновения породивших их общностей людей. Они могут осознаваться или не осознаваться, могут совпадать друг с другом и не совпадать и принадлежать не только этой группе людей, в разные периоды на первый план могут выступать любые из них, их может вообще не быть или они могут быть полностью утрачены. Иными словами, *этнические*

свойства этноса не являются его видовыми признаками. Определить их этничность можно только после того, как определен сам этнос по своему самоназванию, выражающему его самосознание.

Пусть нас не смущает субъективность самосознания и самоназвания. Безусловно, по своему происхождению они являются отражением объективно существовавших, формировавшихся или существующих общностей. Но впоследствии само сохранение прежнего самоназвания и, соответственно, самосознания, а также любых других признаков, осознаваемых как «этнические», служит объективно существующей предпосылкой для поддержания единства некоторой группы людей и для воспроизведения вновь и вновь ее «этнического» самосознания²³. Сейчас не модно цитировать материалиста В. И. Ленина, но здесь это как нельзя более уместно: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»²⁴.

Происхождение этничности. Вопрос об историческом происхождении этничности представляет интерес. Он поможет нам лучше понять специфику этнического самосознания. Когда собственно у сообществ людей впервые появилось это свойство? Исходя из изложенного выше, можно заключить, что этносы впервые появляются после распада первых в истории человечества общностей на уровне социального организма (ибо этнос есть группа людей, продолжающих сознавать свое единство после того, как они уже перестали составлять некую общность, в которой это сознание сформировалось). Но когда это произошло и что было до того?

Все имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют заключить, что на протяжении длительного периода ранней истории человечества основное место занимали общинные и родовые отношения. Как показывают этнографические исследования, более широкие общности людей на этом этапе чрезвычайно расплывчаты по разным параметрам и играют небольшую роль (отсюда «протоэтнос»²⁵, «протоплемя»²⁶ и т. п.).

Первобытная община между тем по всем признакам подходит под понятия «социальный организм» и «этнос»²⁷. В качестве примера процитирую В. Р. Кабо об аборигенах Австралии: «Общинное самосознание фиксирует в качестве этнодифференцирующих признаков даже незначительные нюансы в культуре и языке соседей. В глазах австралийцев иногда и небольшие расхождения в лексике заметно отличают одну группу от другой. Они считают, что у каждой общины свой „язык“, и нередко названия общин восходят к названиям их „языков“. Во многих случаях этнографы и лингвисты действительно обнаруживают диалектные различия между общинами, живущими по соседству. У каждой австралийской общины, по свидетельству Н. Тиндейла, обычно собственное название»²⁸.

Для нас важно здесь то, что переход в другую общину сопровождался быстрым и полным включением в нее (точно так же, как и включение в другой род). Некоторые люди, особенно женщины, в течение своей жизни успевали сменить несколько общин. Таким образом, у членов общины и членов рода существовало достаточно выраженное самосознание своего единства, как и у многих других видов человеческих общностей, однако явления особого сохранения этого самосознания после выхода из общины или рода не было. Значит, говорить об их этничности не имеет смысла.

При этом существовали региональные особенности языка, культуры, идеологии, антропологического типа и т. д. Эти общие особенности возникали в результате связей различного характера (религиозных, брачных, обменных и т. п.) между соседними и дальними общинами. Но считать такие общности протоэтническими нет необходимости, так как они существуют и сейчас, перекрещиваясь с этническими общностями. В этом смысле они не протоэтнические и вообще не этнические, хотя существование единства по любому из таких признаков может способствовать или мешать формированию социального организма и этноса.

Потребность выражения единства общности людей в особых понятиях, терминах, символах, по всей видимости, возникает тогда, когда масса членов этой

общности уже не может непосредственно контактировать друг с другом. Здесь нам пригодится представление о малых (первичных) и больших (вторичных) социальных группах, принятое в социальной психологии. Неодинаковость в размерах групп приводит к качественным различиям между ними. Члены малых групп непосредственно контактируют между собой, знают друг друга в лицо. В основе больших групп лежат опосредованные контакты. Если единство малых групп поддерживается личным общением и участием в прямых совместных действиях, то поддержание единства больших групп требует особых средств. Очевидно, что общины относятся к малым группам, а социальные организмы, дающие при распаде этносы, — к большим группам²⁹. Исходя из этого, можно заключить, что как бы ни были первобытные общины похожи на социальные организмы, в них в целом не может сформироваться такое самосознание, которое сохранялось бы из поколения в поколение после выхода из общины.

Именно в больших группах — социальных организмах — возникает объективная необходимость закрепления сознания единства общности в отвлеченных и доступных каждому символах (в этом особенно заинтересованы стоящие у власти). Вряд ли я ошибусь, если скажу, что такие общности — на уровне социального организма — впервые образуются на том этапе развития общества, который в разных терминах обозначается как завершающая эпоха первобытно-общинного строя, эпоха «военной демократии», период образования вождеств. В это «изначальное» время не было этносов, а имелись лишь общности на уровне социальных организмов (можно, конечно, сказать, что этнос и социальный организм полностью совпадали)³⁰. Затем сложившиеся первоначально особенности этих общностей продолжают свое независимое существование и оказывают влияние на формирование всех последующих общностей, т. е. появляются этносы. Не случайно многие современные европейские этнонимы прямо восходят к племенным названиям этой эпохи. Возникнув как неотъемлемое свойство общности типа социального организма, этнос впоследствии получает самостоятельную жизнь.

О типологии этносов. Поскольку еще до выхода работ Ю. В. Бромлея этнос старались так или иначе связать с социальными организмами, типология этносов по общественно-экономическим формациям представлялась вполне закономерной и оправданной, так как формации — это наиболее общие типы социальных организмов³¹. Однако типология этносов по формациям (как, впрочем, и по любым другим типам социальных общностей) не раскрывает собственно этнической специфики, поскольку разница между типами этносов полностью сводится в ней к различиям между формациями³² и «логически ведет лишь к дублированию типологии»³³. «По формациям делятся не этносы, а общества», — заключает С. А. Арутюнов³⁴. Точно так же уровень инфосвязей является свойством социального организма и зависит в значительной мере от технических достижений³⁵. Предположение М. В. Крюкова о том, что типология этносов должна строиться на специфически этнических признаках, бесспорно, но его реализация автором фактически опять свелась к формационному подходу³⁶. Да и предложенная М. В. Крюковым степень выраженности этнических признаков не есть специфически этнический признак.

Одним из основных специфически этнических признаков, признаваемых всеми, является этническое самосознание, фиксируемое в этнониме. Если бы удалось построить типологию по данным двум признакам, это было бы замечательно. Разумеется, психологические характеристики этнического самосознания — это область социальной психологии. Мы можем оперировать лишь его логическим содержанием (не буду употреблять здесь слова вроде «семантики», «семантических значений», «эмных аспектов» и т. п.). Тогда можно выделить типы этносов по тому, какого вида признак или группа признаков осознаются как этнические. Появятся такие типы, как этнос с основным этническим признаком «общность происхождения», а также с признаками «общие черты культуры», «единство языка» и т. п. Думаю, любому этнографу или историку ясно, что выделенные

таким образом типы искусственны. Хотя они и отражают действительность, серьезного научного значения не имеют. Во-первых, они все плавно переходят друг в друга, между ними нет в целом выраженных границ. Во-вторых, в истории каждого отдельного народа наблюдается та же картина, т. е. они сменяют друг друга и т. п. В-третьих, в разных группах одного и того же этноса (например, в сословно-классовых или профессиональных) соотношение этих типов будет различным. Уже одних этих соображений достаточно для вывода о том, что по этому основанию этносы на типы не делятся.

Что касается этнонима, то логично взять за основу типологии виды названий, от которых он произошел: от топонима, от политонима, от лингвонима и т. п. Однако для очень многих этнонимов невозможно установить, что от чего происходит: название этноса от названия местности или название местности от названия этноса и т. п. А учитывая, что здесь наблюдается масса бесконечных переходов одного в другое, этот признак представляется бесперспективным для типологии и несущественным.

Честно говоря, я не вижу, чтобы этносы как-то значимо делились на типы по специфически этническим признакам как в синхронии, так и в диахронии. По этническому самосознанию и этнониму общности, которые обозначают как племя, народность или нацию, неразличимы. Различия, которые им стараются приписать, носят экономический, социально-политический, а иногда и технический характер и описывают не этносы, а разные типы социальных организмов.

Использование этничности. Мое обсуждение проблем этничности было бы неполным без учета еще одного важнейшего фактора формирования и поддержки этнических групп — фактора политического. Поскольку этническое самосознание можно легко наполнить любым конкретным содержанием, о чем говорилось выше, становится выгодным использовать его для формирования и направления деятельности различных больших групп. Что может быть проще и убедительнее призывов «Ланцепупия для ланцепупов» или «ланцепупы — настоящие люди»? А как хороши и неотразимы лозунги «только ланцепупы имеют право...» или «настоящий ланцепуп обязан...», например, «не жалеть своей крови и самой жизни...».

За конкретными примерами далеко ходить не надо. Гитлер пришел к власти в Германии именно на волне национализма. Под предлогом единства нации захватил соседние государства. Величие немецкого народа и превосходство арийской расы служили одними из главных идеологических оправданий войны. Идея единства славян использовалась для сплочения славянских государств в борьбе против Турции в XIX — начале XX в. Однако разразившаяся немедленно после победы над Турцией в 1913 г. война между самими славянскими государствами показывает, что дело было вовсе не в этом.

Следует сказать, что запись в паспорте гражданина о принадлежности его к той или иной национальности является мощным фактором, поддерживающим и контролирующим этничность. Тем самым государство показывает, что оно считает крайне важным такой признак человека, как национальная принадлежность, и учитывает его в своих отношениях с нами. Наличие пресловутой «пятой графы» однозначно показывает, что на самом деле государство не признает декларируемое им же равенство народов. В противном случае этническая принадлежность человека должна являться его частным делом.

Между прочим, сознательное и целенаправленное формирование новых народов существующими государствами происходит, можно сказать, на наших глазах. Еще в середине XIX в. не было, скажем, таких понятий, как «египтянин» или «турок» в качестве обозначения национальной принадлежности. Они появились как результат деятельности государства и определенных политических сил по консолидации своего населения, по внедрению во все слои граждан сознания собственного единства и общности интересов. Во многих странах Америки и Африки сейчас идут интенсивные процессы создания новых народов в границах существующих государств, которые сами образовались не столько в соответствии

с некими этническими разграничениями, сколько в соответствии с бывшими колониальными границами.

Государство заинтересовано, чтобы сознание общности и единства интересов своего социального организма формировалось у человека не только через понятие «гражданин государства», а через нечто более интимное, «высокое» и даже в чем-то мистическое, и в то же время доступное для усвоения всеми слоями населения.

В заключение приведу слова Питирима Сорокина, написанные им еще в 1917 г.: «Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела. Если мы назовем плохим ученым того химика, который сказал бы, что химическим элементом является вода или кусок бутерброда, то такими же плохими социологами являются и все те многочисленные трубадуры — поносители и восхвалители национальности, — которыми у нас теперь хоть „пруд пруд“»³⁷.

Примечания

- ¹ См.: Советская этнография. 1986. № 3—5 (далее — СЭ); Расы и народы. Вып. 19. 1989; Этнографическое обозрение. 1992. № 3, 4, 6 (далее — ЭО).
- ² Крюков М. В. Главной задачей по-прежнему остается проникновение в сущность этнических связей // СЭ. 1986. № 5. С. 77.
- ³ Белков П. Л. О методе построения теории этноса // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 49—50.
- ⁴ Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 5; Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 45.
- ⁵ Современные этнические процессы... С. 11; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 27—28; *его же*. Очерки теории этноса. С. 57—58.
- ⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 50.
- ⁷ Там же. С. 56.
- ⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 157—158; Современные этнические процессы... С. 10—11; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 24; *его же*. Очерки теории этноса. С. 45.
- ⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 13; *его же*. Очерки теории этноса. С. 45—49.
- ¹⁰ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 46.
- ¹¹ Там же. С. 47.
- ¹² Современные этнические процессы... С. 18.
- ¹³ См.: Обсуждение статьи З. П. Соколовой // ЭО. 1992. № 3. С. 81.
- ¹⁴ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 62—63.
- ¹⁵ Козлов В. И. О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С. 108.
- ¹⁶ Ср.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 63.
- ¹⁷ См.: Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- ¹⁸ Шнирельман В. А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 234—235.
- ¹⁹ Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // СЭ. 1985. № 5. С. 3—16.
- ²⁰ Шнирельман В. А. Указ. раб. С. 237.
- ²¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 53.
- ²² Там же. С. 62—63.
- ²³ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 85—86.
- ²⁴ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. М., 1963. С. 194.
- ²⁵ Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников и собирателей (по австралийским данным) // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 83—109.
- ²⁶ Кабо В. Р. Австралийская община // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979. С. 139—171.
- ²⁷ Ср.: Шнирельман В. А. Протоэтнос охотников... С. 98—99; Кабо В. Р. Первобытная доземельная община. М., 1986. С. 81, 124, 147.
- ²⁸ Кабо В. Р. Австралийская община...
- ²⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 37—38.

- ³⁰ Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса)//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 14; Семенов Ю. И. О племена, народности, нации//СЭ. 1986. № 3. С. 73—74.
- ³¹ Козлов В. И. О классификации... С. 5—23.
- ³² Ср.: Крюков М. В. Главной задачей... С. 76.
- ³³ Козлов В. И. От первобытности до современности//СЭ. 1986. № 4. С. 67.
- ³⁴ Арутюнов С. А. Классификационное пространство этнической типологии//СЭ. 1986. № 4. С. 59.
- ³⁵ Ср.: Крюков М. В. Главной задачей... С. 69.
- ³⁶ Крюков М. В. Еще раз об исторических типах... С. 58—59.
- ³⁷ Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство (из книги Сорокин П. А. Проблема социального равенства)//Этнополис. 1992. № 2.

Ethnos and ethnicity

Addressed in the article are such issues as ethnic self-consciousness, objective attributes of the ethnos, ethnos and ethnicity, the origin of ethnicity, typology of ethnoses, and others.

E. M. Kolpakov